

К 80-летию со дня трагической гибели выдающегося русского поэта Павла Васильева

«По указке петь не буду сроду...»

Прикосновение
к судьбе выдающегося
русского и казахского
поэта Павла Васильева,
расстрелянного
в печально известном
1937-м году,
рождают
безграничную печаль
от трагичности его
человеческого
и творческого
пути

Внеполные 27 лет Павел Васильев был приговорён как враг народа, приговор привели в исполнение на следующий день. Похоронен он был в братской могиле № 1 «Невостребованные прахи» на Донском кладбище в Москве. В архивах ОГПУ в качестве иллюстрации контрреволюционных настроений поэта Павла Васильева приводилось добытое «оперативным путём» его стихотворение «анти-сталинского характера»:

Неужель правители не знают,
Принимая гордость за вражду,
Что пенькой поэта целенают,
Руки ему крутят на беду.

Неужель им вовсе нету дела,
Что давно уж выцвели слова,
Воронью на радость потускнела
Песни золотая булава.

Песнь моя! Ты кровью покормила
Всех врагов. В присутствии твоём
Принимаю звание громилы,
Если рокот гуслей — это гром.

По этому же, сфабрикованному лубянскими сочинителями делу «Сибирской контрреволюционной бригады», по той же статье 58 (контрреволюционные преступления), 5 (террор), 11 (участие в преступной группе), месяцем позже был расстрелян и сожжён в крематории на Донском кладбище и старший сын Сергея Есенина — Георгий (Юрий) Есенин.

У Павла Васильева нет даже своей могилы! Как, впрочем, и у Николая Гумилёва, расстрелянного под Петроградом в августе 1921 года, Сергея Клычкова, расстрелянного осенью 1937 года в Москве, Николая Клюева, расстрелянного тогда же в Томске, Осипа Мандельштама, сгинувшего в пересыльном лагере под Владивостоком в декабре 1938 года...

Но было у этих больших русских поэтов то, что не смогли оборвать грязная клевета и смертоносные пули палачей, — их светлое, оставшееся навечно жить в этом мире Слово.

Родившийся в Казахстане, в небольшом приграничном с Китаем городке Зайсане Семипалатинской губернии, с самого

первого своего творческого проявления Павел Васильев осознал и самоутвердил свою миссию на этой земле: «Я буду русским поэтом!».

Он им и стал — и по праву национальной принадлежности, и по праву всего исповедально-православного начертанных сердцем строках. А по праву места рождения и восточного менталитета Павел Васильев открыл свою поэзию яркой национальной красотой как кровный сын великой половецкой степи Дешт-и-Кипчак.

Над его судьбой «прочно висит казахстанское небо». Родина воспета с необычайной силой любви и притяжения:

Мой Казахстан,
Я о тебе пою,
Ведь я твой сын
И петь имею право.
Люблю я степь бескрайнюю твою,
Твои луга, леса твои и травы.
Мой Казахстан,
Ты вырастил меня,
Вложил мне в душу
Столько звонких песен,
Так пусть они над Родиной звенят
О том, что нет нигде земли чудесней!

Его творческое и личностное самознание сформировалось на почве двух великих культур. Именно здесь, на границе столь разных миров, и произошло зарождение самобытного, расцветшего удивительным многоголосием поэтического космоса Павла Васильева. В его стихах степь одновременно казачья и казахская, а жизни степняков и казаков-переселенцев слиты воедино:

Пёт джигит из касэ, — вина!
Азиатскую супит бровь,
На бедре его скакуна
Вырезное его тавро.

Пёт казак из Лебяжья, — вина! —
Сапоги блестят — до колен,
В пышной гриве его скакуна
Кумачовая выюга лент.

И станишники смотрят — во!
И киргизы смеются — во!
И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой...

Малые народы всегда имели для России особую притягательную силу. И вполне органично, что в своих произведениях поэт-гражданин Павел Васильев воплотил выстраданную мечту о родстве душ, сплав культур, братстве народов как о единственно возможном выходе из духовного тупика постреволюционной России.

По свидетельству Сергея Куняева, Васильев не был первооткрывателем азиатской темы в русской поэзии, «но он был одной из ярчайших звёзд в литературном содружестве, рождённом и вскормленном на сибирско-азиатских просторах, преобразовавшихся на его глазах в соответствии с ритмами нового времени». Павел Васильев, носитель двух древних языков, сохранивших живительные родники национального слова, обладал уникальной возможностью свободного перемещения по исконно своей и по инонациональной этнической почвам:

Прощай, мой друг!
Прощай, прощай, поэт.
Я по душе киргиз
с раскосыми глазами.
Вот потому и искренен привет,
Вот потому слова —
про многое сказали...

Следует, однако, уточнить, почему в стихах поэта так часто встречается обозначение казахов как «киргизы» или «киргиз-казаки». В государственных документах Российской империи до революции 1917 года и в первые годы советской власти казахов действительно именовали так, но в новейшей истории было восстановлено старинное самоназвание народа «казак», и этнонимы «киргиз» и «казак» получили самостоятельный статус и разграничение.

Поэтом так любим именно жанр песни, имеющий важнейшее значение и для русского, и для казахского народного творчества. Многие васильевские произведения именуется песнями («Песня о гибели казачьего войска», «Песни киргиз-казаков», «Песня», «Песня об убитом», «Песня о Серке» и др.) и выстроены как повествования-песни, в соответствии с былинными и эпическими славянской и азиатской традициями.

Павел Васильев прозвучал в своих поэмах и стихах как древнерусский сказитель Боян, исполнив на звончатых да яровчатых гуслях незабываемые песни-погудки родного Прииртышья:

Я не здесь ли певал песни-погудки:
Сторона моя — зелёные дудки,
Я не здесь ли певал шибко да яро
На гусяном перелёте у Красного Яра?

Смысловую основу традиционной картины мира казахов также составляет музыка, являющаяся великим духовно-эмоциональным опытом народа. Аналогичное понимание музыки, музыкального инструмента и пения находим и у Павла Васильева. В его стихах фигурируют такие национальные казахские музыкальные инструменты, как домбра и дудка. Герой и инструмент в художественном описании поэта едины: «На домбре спокойно застыла рука, / Костра задыхается пламя...», казах в любой момент готов заиграть на любимом музыкальном инструменте: «А джигит Серке / Только что и имел: ... Длинную дудку, / Готовую запеть, / Да ещё большую любовь», он для него — символ жизни: «Солнце поднявшееся, домбра моя, приветствуй!».

Персонажи произведений Павла Васильева поют в любых обстоятельства, пение для них — это жизнь, единственный способ существования:

Голод, и смерть, и сон укротив,
Через пожары, снега и тиф,
Через пески в золотой пыли
Люди, как призраки, пели и шли.
В ясные ночи, в синей пыли
Падали, пели и снова шли.
...Песня тогда приходила, как мать,
Через заставы к нам на привал,
Гладить ладонями и обнимать,
Долго глядеть в глаза запевал...

В этом отношении русский и казахский народы едины: как жизнь казахского народа была немислима без песни, так же много песня значила и для русских, в том числе для казаков.

Но Васильев в большей степени связан именно с казахским фольклором, когда казахская невеста не имела морального права выходить замуж без лично сочинённой и спетой песни, а джигиту-казаку следовало объясняться в любви только в поэтико-песенной форме. Такого в русской традиции не было.

В описываемом им степном, открытом, свободном пространстве мы слышим не только свист ветра, но и экзотический напев, в котором странным образом сочетается бодрая казачья песенная нотка с казахским фольклорным мотивом, немного заунывным, протяжным. Этот звуковой образ парадоксален: сочетает несочетаемые этнические музыкальные элементы. Иногда громче звучит казачья песня, иногда её перекрывает азиатская мелодия, но чаще они сливаются, что создать мог только поэт, глубоко понимающий две совершенно разные культуры и сумевший найти в них общее.

Масштаб и мощь такого таланта, чуткость восприятия стихии происходящего и воплощение её в фактурной и пластичной поэтике — часть национальной памяти не только прошедшего века и современного времени, но и многих лет, уходящих за новые горизонты бытия.

При жизни Павла Васильева мнения по его творчеству были неоднозначными: большинство исследователей не смогли (и это соответствовало политической конъюнктуре) увидеть подлинную народность его поэзии, её тесную связь с великими традициями прошлого. Неудивительно, что именно публичные критические высказывания 20-30-х годов стали одной из причин гонений и гибели поэта.

В настоящее время в отечественном и зарубежном литературоведении и литературной критике достаточно глубоко и разнообразно разработана научная оценка творчества и мировоззренческой позиции Павла Васильева, наблюдается всплеск интереса к его творчеству: новые исследовательские работы и статьи, научно-практические конференции в Казахстане и России. Приходится с сожалением констатировать, что пока только в Казахстане творчество поэта изучают в школах и вузах по основной образовательной программе. А вот в России его монументальную, самобытную и чуткую в восприятии мира поэзию, так много давшую отечественной литературной традиции, изучают только в немногих вузах на спецкурсах и в редких школах факультативно. Но в этом направлении ведут неустанную деятельность единственная дочь поэта — исследователь Наталья Васильева и Московская писательская организация Союза писателей России.